

АМАДО НЕРВО

1870—1919

МЕКСИКА

*Перевод с испанского Инны Чежеговой **

Поэт, отмеченный славой «самого нежного и искреннего», Амадо Нерво провел свои детские и отроческие годы «в тихом городе, полном монотонности томной», где он и шестеро его младших братьев и сестер были окружены лаской любящих родителей. После смерти отца тринадцатилетний Амадо покидает родной дом. Учится в колледже и семинарии, а затем работая в адвокатской конторе, Амадо пишет стихи и рассказы и даже печатает их в местных газетах. Литературные интересы влекут его в столицу, где в это время «Лазурный журнал», основанный выдающимся мексиканским поэтом Мануэлем Гутьерресом Нагерой, сплотил вокруг себя лучшие литературные силы Мексики. Жилось в столице нелегко, но Амадо был счастлив: в «Лазурном журнале» вскоре были опубликованы его стихи, имя поэта сделалось известным в литературных кругах. В 1898 году Амадо Нерво выпускает лирические сборники «Черный жемчуг» и «Тайны». К тому времени он стал профессиональным журналистом: его статьи и очерки печатались в столичных газетах и журналах. В 1900 году Амадо совершил путешествие по Европе, некоторое время жил в Париже. Из Парижа он привез издание своих «Поэм»; одна за другой выходят его книги: «Героическая лира», «Голоса», «Сады моей души». Литературная слава не избавляла поэта от материальных затруднений; желая освободиться от литературной поденщины, он вступает на дипломатическое поприще и с 1905 по 1918 год живет в Мадриде. Испанский период оказался для него чрезвычайно плодотворным: кроме статей, литературных исследований, рассказов, им были созданы самые прекрасные страницы его лирической исповеди: «Вполголоса», «Безмятежность», «Недвижная возлюбленная» — «золотые плоды его зрелости, освещенные осенним солнцем». «Недвижная возлюбленная» увидела свет уже после смерти Амадо Нерво и была единодушно признана шедевром его любовной лирики. «С его смертью Америка потеряла самого глубокого и проникновенного из своих бардов, —

* АМАДО НЕРВО — Лирика (*Перевод с испанского и вступление Инны Чежеговой*) // *Созвездие лиры* (М.: Художественная литература, 1981), 67–86.

Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2009.
<http://imwerden.de>

отмечала латиноамериканская критика, — как поэт он выполнил самую высокую миссию: он объединил латиноамериканцев духом и языком своей поэзии».

Автобиография

Что о себе сказать вам?
Я все написал — прочтите
стихи мои и поэмы.
В жизни моей нет событий;
как у счастливых народов,
как у матроны почтенной,
нет у меня истории:
жил жизнью обыкновенной.
Милая незнакомка!
Ответы мои будут кратки.

С юных лет я искусству
предался без оглядки:
сдружился с гармонией, с рифмой —
служанками Мусагета;¹
легко мог бы стать богатым,
но выбрал жребий поэта.
«А после?»

«Любил и страдал я,
знал радости и мученья».
«И много?»

«Вполне довольно,
чтоб заслужить прощенье».

Первая страница

Я никогда ловить не стану взгляд
тупого и надменного магната,
выпрашивая денег и наград:
я королевский пурпур видеть рад
лишь на плечах горящего заката.

¹ Мусагет — одно из имен Аполлона, буквально: «предводитель муз».

* * *

Уж лиловеет небо голубое,
в торжественной агонии горит
светило дня багрово-золотое,
как будто на кровавом поле боя
сверкает бронзой оброненный щит.

Навстречу ласкам вечера открыться
спешит цветок, невинный стан склоня,
и перламутровая колесница
луны взлетает в небеса — сразиться
с еще сверкающей квадригой дня.

Волшебный час! Над зеркалом лагуны
взмывает альбатрос — и камнем вниз.
Стволы дерев расчерчивают дюны,
и листья пальмы, как на лютне струны,
задумчиво перебирает бриз.

Вдруг с вышины, где амфоры заката
льют струи пламени на небосвод,
стон прокатился — скорбная фермата...
День умер, — невозвратная утрата! —
вселенский хор отходную поет.

Когда же вновь неутомимый зодчий
создаст день новый и на звонкий брег
метнет сноп стрел, сражая морок ночи,
и звезды, побледнев, стыдливо очи
прикроют золотой завесой век,

и солнце вдруг блеснет из мглы туманной
дарохранительницей в алтаре,
земле даруя свет обетованный, —
тогда природа зазвучит осанной
вновь возрожденной жизни и заре.

Крылья

В гербе мексиканском — могучий и мрачный
орел. Он терзает змею — символ зла —
над гладью озерной, алмазно-прозрачной,
где тень от нопаля² узором легла.

Я помню, как в детстве увидел я знамя,
когда на прогулку взяла меня мать:
орел тот на знамени реял над нами...
И я закричал, заливаясь слезами:
«Хочу быть орлом, хочу в небе летать!
Коль мы почитаемся перлом творенья,
что ж крыльев творец не пожаловал нам?»
«Не плачь, сын, — сказала мне мать в утешенье, —
на крыльях других нас несет вдохновенье,
за ним никогда не угнаться орлам!»

Вулканы

Завладеет заря небосводом,
и вулканы встают предо мной
пирамидами роз, мимоходом
возведенными щедрой весной.

В свете солнца, набросившем прямо
на долину лучистую сеть,
куполами священного храма
начинают вулканы гореть.

А когда сумрак вечера ляжет,
проводив отпылавший закат,
словно Мексики вечные стражи,
крепостями вулканы стоят.

² Нопаль — разновидность кактуса.

Я не рожден смеяться...

Я не рожден смеяться... И напрасно
льет солнце золото мне на виски.
Я — рыцарь человеческой скорби, страстно
влекомый к Тайне, знанию неподвластной,
окутан мантией моей тоски.

Не знал я счастья. И не оставляли
меня обман и боль... Душа темна,
как ночь, что полюса скрывает дали...
О, не лишайте же меня печали!
Как жить, когда покинет и она?

Меня ты любишь, знаю. И годами
бесстрашно мой недуг ты лечишь злой...
И там, где все темно, ты лишь упрямей
снежинкой светишь мне в бездонной яме
и в черной мгле — несущей мир звездой.

Меня ты любишь, да. Но столь густая
над жизнью всей моей нависла тьма,
что светлая душа твоя святая,
в сраженье с этой тьмой слабея, тая,
в конце концов обуглится сама.

Пытает небо нас. Очарованье
любви летит, покинув наш балкон,
туда, где солнце льет свое сиянье...
И нет тебя, а есть одно рыданье,
и нет меня, а есть один лишь стон.

Еще вчера все радость нам сулило...
Увы! К твоей жестока доброте,
судьба крылом своим нам свет затмила
и, на Голгофу возведя, казнила
тебя, распяв на жертвенном кресте!

Прости мне скорбь. Поверь, она бескрайней
всех чувств. И не разжать ее тиски.
Моя звезда, снежинка! Руку дай мне,
и вместе мы пойдем навстречу Тайне
в державной мантии моей тоски!

Старый припев

Это что за сирена, чей голос так странен,
чье так матово тело, а косы — темны?
Это — отблеск луны в тихоструйном фонтане,
это — отблеск луны...

Это чей по ночам так надсаден и страшен
в моем доме повсюду звучащий призыв?
Это — ветра порыв, что свистит среди башен,
это — ветра порыв...

То не ангел ли огненный машет крылами
в предзакатной дали, что кроваво-ярка?
То плывут облака чередою над нами,
то плывут облака...

Чьи алмазные льются дождем украшения
в воду с бархатно-синих воздушных завес?
Это — образ небес, их в реке отраженье,
это — образ небес...

Все усилия постичь красоту — бесполезны...
Но в каком из зеркал, о Творец, — в высях звездных,
на земле иль в душе моей, — властвуешь ты?
В каждой капле мечты, что сверкает из бездны,
в каждой капле мечты.

Заклинание

Из тайны бытия, из пропасти былого,
ее — химеру, тень, рожденную мечтой,
я вызвал. И она, презрев веков оковы
и поколений гнет, на зов явилась мой.

Столетия стеной ей преграждали путь,
и духи из могил вослед ей завывали:
«Стой!» И незримыми когтями разрывали
на ней хитон ее, чтоб удержать, вернуть.

Но тщетно. Огненных влеклась волос волна,
что пахла вечностью, но избежала тлена...
Императрица снов, на зов неслась она,
в хитоне призрачном, из векового плена.

«Императрица! О, ты помнишь ли, ответь,
тысячелетие тому уж миновало:
ты клятву мне дала и ты мне обещала...»
«Коль я ее сдержу, ты должен умереть!»
«Но ты клялась!..» Она меня поцеловала.

Расчесывала волосы принцесса...

Расчесывала волосы принцесса,
и волосы, как золото, сверкали,
расчесывая их, она смотрела
рассеянно сквозь стрельчатую арку.
Поля, поля тянулись перед замком
и пыльная дорога:
там проходили табором цыгане,
и нищие, прося о подаянье,
и богомольцы,
от мест святых бредущие обратно
в Кастилию под жгучим летним солнцем,
покрытые морским песком и пылью.
Потом она смотрела неотрывно
на висельника,
что вчера повешен
был на зубце соседней красной башни
и там висел, кривясь окоченело,
отбрасывая тень свою на стену,
смешной и страшный.

Расчесывала волосы принцесса
и левой рукой их разбирала,
и на прекрасное лицо спускались,
ложась волною, золотые пряди;
в другой руке она держала гребень
слоновой кости, бледно-желтый, гладкий.

Расчесывала волосы принцесса,
и волосы, как золото, сверкали,
и думала она: «Ах, если б в замок
веселый трубадур забрел однажды
в штанах зеленых, черном колпаке,
кафтани красном и со звонкой лютойней...»

А по дороге
все шли, темнея профилями строгими
и древними, цыгане.
А на цепях
подъемного моста,
на крепостных камнях,
крутых уступах
дрожали ящерицы в мерной судороге,
как впавшие в экстаз факиры,
они в своих кирасах изумрудных
казались крошечными крокодилами...

Расчесывала волосы принцесса,
волной ложились золотые пряди...

Скользишь над пропастью моих скорбей...

Скользишь над пропастью моих скорбей
ты, словно луч луны над бездной вод,
мой дух, окостеневший от невзгод,
умащивая нежностью своей.

Ты в жизнь вступаешь, я прощаюсь с ней,
но, времени опровергая ход,
ты, словно луч луны над бездной вод,
скользишь над пропастью моих скорбей.

Так пусть горчит надежд отцветших плод
лишь на губах поэзии моей, —
раз хочет тот, кто создал небосвод,
чтоб ты над пропастью моих скорбей
прошла, как луч луны над бездной вод.

Я из страны далекой и туманной...

Я из страны далекой и туманной, —
не мил ее монарху белый свет...
Мой дух влечется к Тайне несказанной,
он ищет то, чего на свете нет.

Ты плачешь о мечте своей туманной
и жаждешь нежности, которой нет,
в твоих глазах тень Тайны несказанной,
как черное крыло, затмила свет.

Одной с тобою Тайной несказанной
мы рождены: не мил нам этот свет...
Бредем мы в поисках страны туманной,
мы ищем то, чего на свете нет.

Дамьяна

Косы девчонки —
солнцу под стать:
выглянет солнце —
ее не видать!

Чуть заиграет
лучами рассвет,
в лучах его тает
ее силуэт,
розовый, тонкий,
и солнечность дня
прячет девчонку
мою от меня.

Утром Дамьяна
откроет окно,
румянцем зари
разгорится она,
и, как ни смотри,
угадать мудрено:
заря иль Дамьяна
глядит из окна?

Как зорька румяна,
а косы — под стать
солнцу.
Дамьяны
моей не видать!

Смутное воспоминанье

Что-то смутное печалит душу мне:
то приснится, то забудется во сне,
словно в сумраке давно прошедших лет
полустертого
воспоминанья след...
Пеленою дней
заволокло
что-то светлое,
что было и прошло.
Годы ль минули с тех пор
или века?
Но в душе моей
все странная тоска.

Что-то смутное печалит душу мне:
то приснится, то забудется во сне,
словно древний аромат в моей душе,
исчезающий
в туманном мираже,
словно краски
осыпающихся роз,
словно горечь
от невыплаканных слез
о любви, что там,
на грани временной,
заблудилась
и не встретила со мной...

Что-то смутное печалит душу мне:
то приснится, то забудется во сне...

Бессмертие

Не верю, что любовь твоя былая
исчезла — так бессильна и хрупка...
Ты вздрогнешь, книгу памяти листая,
когда прошелестят, с листов слетая,
стихи мои, как лепестки цветка.

Меня ты не забудешь. Светлой сказкой
вновь дни любви перед тобой пройдут
и растревожат душу прежней лаской,
не дав покрыться ей той тиной вязкой,
где лотосы забвения цветут.

Меня ты станешь видеть ежечасно
в неверных сумерках и на заре,
за вышиваньем сидя в день ненастный
на галерее, глядя, как бесстрастно
сплетает дождик нити на дворе.

И заточит тебя в воспоминанья
печаль неизлечимая моя...
Пределом твоего существованья,
немым укором твоего сознанья,
надгробьем вечным в сердце — стану я.

Молитва облаку

В склоненной шее лебедя — вопрос,
и весь он — тайна, белое виденье...
Но тайна облака бездонней — в рденье
закатных мук или рассветных грез.

В ночи — ты ворон, лебедь — утром рано,
ветров незримых зримый обелиск,
то солнца, то луны ты прячешь диск,
ты — парус, пена, волны океана...

Яви мне, облако, свою любовь
и в веру обрати мои сомненья,
душевный мрак смени на просветленье,
скорбь в радость претвори пусть на мгновенье,
хоть знаю: буря все отнимет вновь.

Ветру и морю

Слова мои бедны,
и ритма рвется нить:
у ветра и волны
хочу я в дар просить
желанной новизны —
у ветра и волны!

Лишь ветру и волне
вверяю я вполне
моих стихов начало.
(О море, спой же песню мне!)
Ночам с их влажной мглой,
порывам бури злой
и пенным гребням вала!

О ветер, верный друг
моих страстей и мук,
и ты, волна моя,
праматерь Бытия!
Поэзией полны
вой ветра, шум волны.
(О море, спой же песню мне!)

О море! Подари мне ты
стихи волшебной красоты,
добавь в них запах свой и соль
и убаюкай сердца боль!

Картина

Огромный парк
с беседками,
аллеями
и тайнами.

Зеленый пруд
как зеркало.
Лебеди
стаей.

Зáмок
с привиденьями,
легендами,
преданьями.

Принцесса.
Отраженье
ее в воде
зеркальной.

И моя фантазия
мерцает, как звезда,
над зáмком, где принцесса
в парке, у пруда.

Осень пришла

Как я люблю покой
моих неспящих дней
и радости уединенья...
Веселой канарейки
все сильнее
заливистое пенье.
Как воздух свеж
и густо напоен
древесным ароматом!
Неба просинь
в окно мне льется...
Буен и хмелен
снег тубероз,
предчувствующих осень.
Уже посеребрила седина
вершины гор.
И в серой дымке зыбкой
все тает.
Но, беспечна и нежна,
природа
с просветленною улыбкой

свой неизменный завершает круг.
И солнце,
нас лучами обещаю
пригрев,
бледнеет, словно старый друг
в минуту неизбежного прощанья.
Как прелесть запоздалая грустна
растений и цветов!
Они устали!
«Я осень, осень, —
шепчет нам она, —
я преисполнена благой печали...
Сменила лето я.
В соблазнах женской плоти
тебе не станет больше мниться рай.
Пришел черед
таинственной работе
ума.
Теперь молчи и размышляй».

В ультрафиолетовых тонах

Есть проблемы —
прозрачнее лунного света,
есть другие —
апрельского утра ясней...
Свет проблемы моей,
пробиваясь, теряется где-то:
и не то что она неясна,
просто эта
ясность
гораздо сложнее.

Эту ясность постигнет лишь острое зренье
проницательных глаз,
глаз, умеющих распознавать
то предчувствие света,
тот намек на его зарождение,
что дрожит на востоке,
перед тем как начнет рассветать.

Давайте любить!

Если не знает никто, почему улыбаемся мы,
и не знает никто, отчего мы рыдаем,
если не знает никто, зачем рождаемся мы,
и не знает никто, зачем умираем,

если мы движемся к бездне, где перестанем быть,
если ночь перед нами нема и безгласна...
Давайте, давайте, по крайней мере, любить!
Быть может, хоть это не будет напрасно.

Мы квиты

Жизнь! Я тебя прославляю,
свой путь завершая земной:
ложных надежд не питал я,
был труд не напрасен мой,
и муки, что ты посылала,
были заслужены мной.

И вижу я после долгих
лет трудов и борьбы,
что сам всегда я был зодчим
своей нелегкой судьбы.

Ты чашу то с медом, то с желчью
давала мне выпить до дна:
но разве душа не бывала
то медом, то желчью полна?
А если сажал я розы —
все розы цвели, как одна.

И пусть зима приходила,
губя мой цветущий рай, —
но ты ведь не говорила,
что вечным быть должен май!

Много ночей проводил я,
судьбу за жестокость кляня:
счастливых ночей не сулила
ты мне, свою тайну храня...
Но были счастливые ночи —
были и у меня!

Любил я и был любимым,
мне солнце дарила весна.
Жизнь! Мы квиты с тобою!
Ты мне ничего не должна!

*Не знает каштан,
что он носит каштана название...*

Не знает каштан, что он носит каштана название,
но лишь приближается время его созревания,
нам дарит каштан с ароматом осенним плоды.
И солнцу неведомо, как оно прозвано нами,
но свет и тепло нам дает его жаркое пламя,
и меркнет с ним рядом сиянье ярчайшей звезды.

Никто не любит розой, расцветшей в пустыне,
но роза бутон раскрывает свой в дерзкой гордыне,
чтоб миру явить непреложный закон бытия.
Никто на дорожной обочине зерен не сеет,
но колос и там вырастает, желтеет, и спеет,
и кормит в священном молчанье зерном воробья.

О, сколько, о, сколько стихов мной задумано было!
И сколько в них было любви и душевного пыла...
Но их, не написанных мною, увы, не прочтут!
Но, так же как дерево, солнце, и роза, и колос,
стихи не исчезли: влился их блуждающий голос
в ту Суть Несказанную, в коей они не умрут!

Когда полюбишь ты меня...

Светлее солнца будет день, когда меня полюбишь ты,
и ночью полная луна светить нам станет с высоты,
и зазвучит в ее лучах бетховенская ода...
и несказанность вечных грез
нам явит в аромате роз
волшебница-природа.

Прозрачные ручьи помчат
по склонам, весело звеня
журчащей россыпью рулад,
когда полюбишь ты меня.

Когда полюбишь ты меня, то темный, потаенный бор
в аккордах дивных изойдет, не слыханных до этих пор...
Мои глаза в твоих глазах, вобравших все сиянье дня,
увидят вечную весну, когда полюбишь ты меня...

Летающие твои шаги в лугах слышатся едва,
как кружевных воротничков вмиг затрепещут кружева
у маргариток, и они, друг друга весело тесня,
прильнут к твоим ногам в тот день, когда полюбишь ты меня, —
и если у одной из них ты оборвешь все лепестки,
то все потянутся к тебе, за нежностью твоей руки.

Когда полюбишь ты меня, заря все озарит вокруг,
трилистник клевера в тот день четырехлистным станет вдруг,
откроют лотосы в пруду таинственные чаши
в тот день, когда мы обретем с тобою счастье наше.

Волшебной стаей облака в тот день над нами воспарят,
восточных сказок чудеса в тот день подарит нам закат,
мы в каждом дереве орган в тот день с тобой откроем,
и станет каждая гора нам брачным аналогом.
И благодатью осенит, мои уста к твоим склоня,
нас первый поцелуй в тот день, когда полюбишь ты меня.